

Эго-психология и обучение

*Е. Г. Руднева (Институт философии РАН)**

Respectable leader of psychohistory

E. G. Roudneva (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

Аннотация: В статье отмечается приоритетность Э.Эриксона в разработке проблем психоистории. Отмечается его роль в создании эго-психологии, дается разбор психологических портретов, созданных Эриксоном, раскрываются перспективы психоистории в современном мире.

Ключевые слова: философия, психология, культурология, эго-психология, история, психоистория, психоанализ, культурантропология, власть, самотождественность, биографики, эго-система.

Abstract: The article points out the priority of E.Erikson in development of the problems of psychohistory. His role in creation of ego-psychology is considered, psychological portraits offered by E.Erikson are discussed, perspectives of psychohistory in the modern world are shown.

Key words: philosophy, psychology, culturology, ego-psychology, history, psychohistory, culturanthropology, power, self-identification, biographics, ego-system.

От эгопсихологии к психоистории

Американский психоаналитик Эрик Эриксон (1902-1994) – признанный лидер во многих областях психологического знания. Как и многие другие последователи Фрейда, Эриксон был неудовлетворен тем, что основатель психоанализа рассматривал сознание в качестве феномена, который испытывает диктат со стороны бессознательного и императивов культуры. Ход его мысли был иным. Как можно говорить о трезвом и разумном поведении личности, если оно во многом обуславливается детскими страхами, вожделениями и инстинктивными импульсами, а, кроме того, находится под мощным воздействием социальных и родительских предрассудков? Где же, собственно, зона индивидуального и ответственного сознания? Так родился блок психологических знаний, называемых эго-психологией. Его задача – углубленная, интенсивная трактовка той психической инстанции, которая получила у Фрейда название «Эго».

Разумеется, Эриксон был не один. Эго-психология – одно из направлений психоанализа, развивавшееся последователями Фрейда – его дочерью Анной Фрейд, Хайнцем Хартманном, Эрнстом Крисом, Рудольфом

* Руднева Елена Георгиевна – научный сотрудник Института философии РАН. Тел.: (495) 687-60-87. Эл. адрес: roudneva@yandex.ru

Левенштейном, Давидом Раппопортом, но не в последнюю очередь и Э. Эриксоном. Впервые структурная теория Оно, Эго и Супер-Эго была изложена в выдающейся работе Фрейда «Я и Оно» (1923). Первостепенной функцией эгосистемы Фрейд считает задачу самосохранения, а также приобретения средств, с помощью которых оказывалось бы возможным осуществлять одновременно адаптацию к воздействиям со стороны Оно, Супер-Эго и к требованиям окружающей реальности. Эго-система берет на себя функцию задержки инстинктивной разрядки и ее контроля и осуществляет ее с помощью ряда механизмов, в том числе механизмов защиты. Важным вкладом в развитие эго-психологии явилось появление в 1936 г. работы А.Фрейд «Эго и механизмы защиты», а в 1939 г. книги Х. Хартманна «Психология эго и проблемы адаптации».

Еще А.Фрейд привлекла внимание к роли защитных механизмов в условиях нормального умственного функционирования и ввела понятие защиты против опасностей, угрожающих со стороны внешнего мира, а также против угроз, связанных с внутренними инстинктивными импульсами. Х. Хартманн уделил особое внимание врожденному развитию того, что он назвал сферой эго, свободной от конфликтов. Он придерживался точки зрения, что существует множество сторон нормально функционирующей психики, обладающих собственным первичным ресурсом развития. Х. Хартманн включил в функции эго оценку реальности, контроль за процессами движения, восприятия, мышления, торможения аффектов и отсрочку в их выражении, предупреждение об опасности, синтез и организацию психических процессов. Его эго-психология представляет значительный интерес для многих психоаналитиков, в центре внимания которых лежит не только патологическое, но и нормальное функционирование эго. В этом возникшем в 30-е годы направлении, работали выдающиеся психоаналитики, такие как Давид Раппопорт, которые развивали психоанализ как науку о поведении и мотивации людей.

Вклад Э. Эриксона в эго-психологию значителен, поскольку именно ему удалось привлечь внимание к проблемам личности. Почти все психологи, обратившиеся к анализу феномена личности, отмечают сложность этого понятия, многообразие трактовок, относящихся к данной проблеме. Слово «личность» действительно относится к числу самых неопределенных и спорных в психологии. «Но ни одно понятие не отличается такой многозначностью, не допускает столь разнообразного употребления, как понятие личности» [1, с. 519]. Можно согласиться с тем, что сколько существует теорий личности, столько имеется и ее определений.

Неисчерпаемость проблемы во многом обусловлено тем, что с данным понятием связано много и других важнейших психологических терминов, в

том числе, «человек», индивид», «индивидуальность», «характер», «тип», «темперамент», «способности». Рассуждая о личности, мы невольно мобилизуем весь корпус психологических знаний. Личность – универсальное понятие духовного человека. Оно вбирает в себя самобытность, множество социальных качеств, богатство души. Вот почему психология личности как теоретический раздел способна охватить разные стороны всеобъемлющих представлений о человеческой психике. Внутри эго-психологии изучалась уже не столько психология бессознательного, сколько проблемы личности.

Однако Э. Эриксон оказался также и одним из признанных лидеров психоистории. Почему Геродот, Фукидид или Плутарх создавали свои исторические хроники? Отчего вообще античная культура записывала себя достоверно, исторически? Отвечая на эти вопросы, мы понимаем, что одна из причин возникновения исторического мировидения связана с определенным типом священного закона бытия, который также побуждает к достоверной записи свершившихся событий, порождая тем самым историческое сознание.

Однако историка интересуют факты, события, исторические фигуры. Он не видит необходимости углубляться во внутренний мир людей той или иной эпохи. Редко удастся историку и воссоздание психологического портрета исторической личности. Между тем, в XX в. история и психология сделали внушительный шаг навстречу друг другу. Эриксон пытался показать, как тот или иной внутриспсихический конфликт может выявить свою драматургию на социальном фоне. Так, молодой Лютер, отвергнувший родного отца и его наставления, одновременно вступает в конфликт с главой католической церкви. Так внутреннее психологическое напряжение таких личностей, как Лютер, Джефферсон. Ганди, Б.Шоу, М.Горького оказывается созвучным определенным социально-психологическим запросам эпохи.

Психоистория – это новая психологическая дисциплина, которая родилась на стыке истории и психологии. Психоисторики считают, что жизнь человека обусловлена его историческим контекстом, но при этом огромную роль играет и внутренний мир человека. Психология эпохи, которая порождается во многом психологией личности, оказывается важнейшим фактором социальной истории. Психоистория сложилась под влиянием идей эго-психологии (Х. Хартманн), которая подчеркнула роль адаптивных функций психики, и сравнительной культурантропологии (М. Мид), показавшей культурную специфику и разнообразие биологически обусловленных форм поведения человека.

На формирование психоистории огромную роль оказала также клиническая практика в США. Психоисторики поставили задачу изучить социокультурные параметры исторической эпохи, прежде всего, характерных особенностей ее духовной атмосферы. Продолжая традиции психобиографий

выдающихся деятелей мировой культуры и политики, созданных З. Фрейдом, и биографики К. Ясперса, психоисторики совершили примечательный поворот в этой области. Они отказались от функций классического исторического анализа. Задача психоистории сводилась к тому, чтобы показать, что отдельные личности обеспечивают духовный климат эпохи. Внутриличные конфликты творческих людей – Лютера, Джефферсона, Ганди, Б.Шоу, Горького – Э. Эриксон изучал как выражение социально-психологических проблем их времени и культуры. Главной методологической установкой психоистории стал своеобразный принцип, который постулировал принцип психосоциального соотношения интимно-личностных и социально-исторических коллизий. Таким образом, фиксировался важнейший «исторический момент», который определял судьбы истории.

Психоистория получила достаточно быстрое развитие. В Германии вышло немало трудов о нацизме. Психоистория исходит из положения, что существуют бессознательные императивы человеческих действий. Это предполагает наличие более ранних уровней психического, которые уже не осознаются субъектом, но в то же время способны воздействовать на его поведение. При этом мы часто оказываемся свидетелями конфликтов между сознательными установками и бессознательными стремлениями на индивидуальном и на массовом уровне. Социально-политическая история часто не получала адекватного объяснения.

Однако применение методов психоанализа, культурной антропологии и социальной психологии изменило положение. Психоисторический метод часто называют генетическим, поскольку он подчеркивает значение предшествующего опыта. Такой подход предполагает, что реальности настоящего непрерывно динамически взаимодействуют на бессознательном уровне с личным и коллективным прошлым. Для психоисторика важно не только понимание неких вневременных универсальных фантазий, но и выявление их специфических выражений в данном месте и времени. Они показывают, как социальные травмы – война, голод, экономические кризисы, эпидемии – отличаются по своему воздействию друг от друга, обуславливая вместе с тем характер функционирования группы и стиль лидерства. Американские специалисты не раз применяли методы культурантропологии, и в частности, концепцию «модельной личности» к изучению германского национального характера. Психоистория оказалась также полезной для понимания массовых фантазий и движений, основанных, в частности, на рабской ненависти.

Феномен идентичности

Нельзя сказать, что в разработке понятия «идентичность» Эриксон обладает безусловным приоритетом. Прежде всего, пожалуй, следует упомянуть А.Карпентера с его интерпретацией базовой личности. Кроме того, об идентичности говорили создатели различных ролевых теорий личности. Невозможно обойти и труды Э. Фромма, который в своей работе «Бегство от свободы» по сути дела ставил проблему персональной идентичности как итог автономности личности, ее персонализации. Раскрывая проблемы стереотипизации, конформизма, Фромм, естественно, видел идеал личности в ее способности к самотождественности.

Однако впервые обстоятельное истолкование понятия идентичности было дано в известной работе Э. Эриксона «Детство и общество». Американский психоаналитик раскрывал идентичность в целом как процесс организации жизненного опыта в индивидуальное «Я». Он оценивал идентичность как сложное личностное образование, которое имеет многоуровневую структуру. После Эриксона изучение идентичности стало привлекать многих философов. В начале 70-х гг. прошлого века К. Леви-Строс пророчествовал, что кризис идентичности станет драмой нового столетия.

Мир человеческий – это единая осмысленность, в основе которой лежит постоянная, трудно насыщаемая потребность человека проникнуть в собственное личностное ядро, осознать себя как индивидуальное, неповторимое существо. Именно та часть психики, которая называется Я, дает возможность человеку вести себя ответственно, соотносясь с моралью, с интересами других людей. Я – зрелый сегмент человеческой психики, внутри которого и происходит процесс идентификации.

Эриксон проводит различие между понятиями «идентичность» и «идентификация». Лингвистически, как и психологически, идентичность и идентификация имеют общий корень. Идентификация – это психологический механизм, а идентичность – результат процесса уподобления. Американский психолог показывает, что ограниченность механизма идентификации становится очевидной сразу же, как только мы предполагаем, что никакие детские идентификации, поставленные в ряд, не могут вылиться в нормально функционирующую личность. Психология полагает, что задачей психотерапии является замещение болезненных и чрезмерных идентификаций другими, более желательными. Но, как и любое лекарство, «более желательные» идентификации должны быть полностью подчинены новому единому гештальту, который есть нечто большее, нежели просто сумма его частей.

Дело в том, что идентификация как механизм имеет определенные ограничения. На разных стадиях развития дети идентифицируют себя с теми

асpekтами окружающих людей, которые производят на них наибольшее впечатление, в реальности или в воображении – не имеет большого значения. Их идентификация с родителями, например, сосредоточена на определенных переоцениваемых и болезненно воспринимаемых частях тела, способностях и внешних атрибутах роли. Более того, эти аспекты привлекательны не столько своей социальной значимостью, сколько тем, что отвечает природе детской фантазии, и этим открывают путь к более реалистическому самоутверждению.

Подрастая, ребенок сталкивается с понятной ему иерархией ролей, от младших членов семьи до прародителей и всех, кто, так или иначе, принадлежит к семье в целом. На протяжении детства это составляет круг его представлений о том, кем он может стать, когда вырастет, и уже очень маленькие дети способны к идентификации с целым рядом людей и отношений, которые затем требуют «верификации» в дальнейшей жизни. Вот почему культурные и исторические перемены могут оказать такое травмирующее влияние на формирование идентичности: они могут разрушить внутреннюю иерархию ожиданий ребенка.

Термин «кризис идентичности» был употреблен во время второй мировой войны. Попав в экстремальные условия войны, они потеряли ощущение тождества личности и непрерывности времени. В современном мире происходит процесс распада идентичности. Постмодернисты обозначают этот процесс как кризис идентификации. Они показывают, что сегодня индивид не располагает теми условиями, которые обеспечивали бы ему возможность адекватного и целостного восприятия самого себя. Самотождественность личности разрушилась. Само понятие «кризис идентификации» было предложено Дж. Уардом. Оно относится, прежде всего, к отдельному человеку, оно описывает также и состояние современной культуры.

Чем же обусловлен данный процесс? Ловушкой оказывается открытость индивида по отношению к другому. Но ведь именно через других реализуется механизм идентичности. Однако индивида, который пытается выстроить коммуникацию, ждет разочарование. Там, где он рассчитывал отыскать некое человеческое содержание, оказывается пустота. Субъекта нет, а есть только социальные роли. Социальное замещает индивидуальное. Там, где человек рассчитывал обрести подтверждение своей самотождественности, он наталкивается на безличные социальные позиции. Идентификации подменяется процессом позиционирования. Безличное тиражируется и даже клонируется, как подметил Ж. Бодрийяр. Там, где индивид рассчитывал на встречу с субъектом, обнаруживается просто социальный статус, некое место. Оказывается, человек выступает под неким

псевдонимом, что гарантирует ему после смерти получение эмблемы. Противостояние индивида и социума рождает не глубинный поиск тождественности, а «коллаж» идентификаций. На социальном поле вместо личности обнаруживается всего лишь знак текста, пустое имя, «0».

Кризисы идентичности

Эриксон изучал и анализировал также «Майн кампф» и присущие этой книге качества мифа и легенды. Он отмечал, что миф, будь он древним или современным, не является ложью. Скорее, историческая правда и вымысел перемешаны в нем таким образом, что все выглядит вполне правдоподобно. И зачастую миф вызывает «благочестивое изумление» и пробуждает «пылкое честолюбие». Хотя Эриксон в своей работе учитывал как известные факты из детства и юности Гитлера, так и его явные психопатические симптомы во взрослом возрасте, он, разумеется, прекрасно понимал, что сумятица в голове одного человека не может всколыхнуть всю нацию. Струны, которые задел Гитлер, должны были найти отклик у его слушателей. Эриксон говорит о проблеме национальной идентичности и об огромных силах, которые можно активизировать, чтобы осуществить на деле видение, сулящее именно эту национальную идентичность. Роль антисемитизма рассматривается здесь им иначе, чем это обычно принято. Эриксон отмечает, что силы, которые соединились в Гитлере и Германии, имели свое собственное поле, но что эта же взаимосвязь индивидуальных и национальных инстинктивных сил, направленных на достижение чувства общей идентичности, с таким же успехом могла возникнуть и в других частях света.

В своем анализе книги «Майн кампф» Эриксону удалось показать, что она обладает мифологическими качествами. Он писал: «Роль, которую он (Гитлер) избрал, столь же много говорит о его публике, как и о нем самом». И далее: «Речь идет об «интонации», а не о человеке, которого я собираюсь анализировать». Хотя Эриксон использовал сведения о детстве и дальнейшей жизни Гитлера, он не пытался объяснить феномен гитлеризма исключительно на основе психопатологии индивида. Он хотел доказать «сродство» между легендой Гитлера о его собственном прошлом и тем, что было характерно для жизни детей в Германии до прихода Гитлера к власти.

Каким образом личному «мифу» Гитлера удалось завладеть умами немецкой молодежи того времени? Здесь нет возможности в деталях проследить за развитием этого подхода. Тем не менее, вкратце можно сказать: Эриксон считал, что в то время немецкий отец, в сущности, не обладал авторитетом – скорее, он производил впечатление самодовольства. Сыновья, по-видимому, не были убеждены в том, что должны проявлять к

своим отцам настоящее уважение. Все их позитивные атрибуты на национальном уровне никогда не достигали интегрированного значения. И поэтому немцы никогда не были уверены в том, что – подобно англичанам – они вправе гордиться своей национальностью.

Эриксон добавляет: «Страна, в которой они сами не были уверены как в стране, насчитывает миллионы молодых людей, которые по иронии судьбы могли считать реальной только одну традицию, а именно обязанность бунтовать». В это время молодые сторонники определенных идей и идеалов образовывали различные группы. И для всех этих групп было характерно то, что они отвергали отцов. Отец являлся врагом, и если сам по себе он не выступал против сына, то его к этому провоцировали: «Постоянное расхождение между преждевременным индивидуалистическим протестом и лишенным иллюзий послушным бюргерством представляет собой важный фактор политической незрелости немцев: эта молодежная революция отдельных людей была, так сказать, выкидышем индивидуализма и революционного духа» [2, с. 329]. К этому добавились поражение в войне 1918 года и экономическая разруха 20-х годов, что и подготовило психосоциальный климат для прихода Гитлера к власти. Эриксон пишет: «в истории часто случается, что экстремальный и даже нетипичный опыт настолько соответствует универсальному скрытому конфликту, что кризис возвышает его до репрезентативной позиции» [2, с. 330].

Гитлер, «стойкий юноша», стал «вожаком банды», державшим в кулаке подростков, которых он терроризировал и склонял на преступления, после чего у них уже не было пути назад. Эриксон сравнивал влияние особого мира представлений и переживаний у американцев и у немцев. Германия была изолирована. Люди испытывали потребность в жизненном пространстве и ощущали внутреннюю раздробленность. В этом отношении от Германии разительно отличались Соединенные Штаты Америки, где люди привыкли к изменяющимся границам и волнам эмиграции. Поскольку все люди живут с чувством пространства, вполне возможно, что чувство индивида своего личного жизненного пространства превратилось в своего рода чувство «жизненного пространства всего народа».

Поражение в 1918 г. было воспринято немцами не просто как поражение, но и как унижение. Молодые люди, пережившие тяжелое унижение, склонны к тому, чтобы чрезмерно приспособляться и унижаться, пока они не находят агрессивного вожака банды, способного их «научить», как можно избавиться от этого чувства своей никчемности, спроецировав его на другую группу. Таким образом, некоей группе – «которая под рукой» – навешивается ярлык «плохая». Антисемитизм стал отдушиной для немецкой молодежи.

Эриксон не был удовлетворен привычными объяснениями, такими, как теория «козла отпущения», проекция или уклонение от истинных проблем. Какими бы верными не были эти объяснения, они все же не дают удовлетворительного ответа. Почему возник этот дикий антисемитизм? К многочисленным объяснениям Эриксон добавил ещё одно: зависть, точнее, зависть к специфическим талантам евреев, благодаря которым еврейский элемент в многослойном, охваченном волнением обществе стал ещё более сильным. Евреи имели очевидный успех, справившись с тем, чего боялись немцы, да при этом ещё и обогатились.

Гитлер обладал способностью демагога: его мир представлений позволял ему верить в то, что он говорил. Ему удавалось убеждать и принуждать к капитуляции своих противников, поскольку у них самих в бессознательном имелось нечто из его мира представлений. Солдат стал в то время символом вновь пробуждающейся к жизни Германии. Дивизии танков благодаря своей скорости и натиску пересекли тесные границы раздираемой сомнениями, изолированной Германии. Им удалось быстро и активно ворваться, сокрушив те силы, которые, казалось, внушали, что Германия должна оставаться такой, как она есть, и смиренно пребывать в униженном положении проигравшего. Молодому солдату представлялось нечто большее, чем просто униформа. Он получил шанс участвовать в формировании новой, гордой идентичности, служа доброму делу.

В каждом из первых двух томов только что основанного журнала «Psychoanalytic Study of the Child» (International Universities Press, 1945, 1946) Эриксон опубликовал свои работы: в первом томе – «Детство и традиция в двух племенах американских индейцев», во втором – «Развитие Я и исторические перемены». В этих работах Эриксон также стремился на основе клинического психоанализа прийти к более глубокому пониманию индивида, пытаясь показать его функционирование в изменяющемся мире, а не просто в «пространстве» его собственной, индивидуальной психики. Он пишет: «Вместо того чтобы принимать эдипов треугольник в качестве непреодолимой схемы иррационального поведения человека, мы стремимся к большей точности в рамках этой схемы, исследуя то, каким образом общественная организация предопределяет структуру семьи». К этому времени его представления об идентичности Я и идентичности групп приобрели конкретную форму. Он продемонстрировал, каким образом дети принимают в качестве прототипов добра и зла исторические фигуры, региональные ценности и политические идеологии. Влияние бабушек и дедушек, которое проявляется через влияние на родителей ребенка, нередко находит свое отражение в принудительных схемах жизни. Уделяя особое внимание этим факторам, Эриксон тем не менее не заменяет традиционную

психоаналитическую психологию Я чем-то новым. Скорее, он помогает лучше понять социальные и индивидуальные факторы, исследуя их взаимосвязь в пространстве и времени и при определенных исторических условиях.

Детство и общество

В 1950 г. вышла в свет книга Эриксона «Детство и общество». Этот труд, представляющий собой синтез его тогдашних представлений, получил всемирное признание: он был переведен и издан на двенадцати языках. Однако представленная в нем концепция идентичности была правильно понята лишь немногими, большинство же психоаналитиков её чрезмерно упростили и раскритиковали. В целом, эта концепция дает всеобъемлющее представление о человеческой личности. Соответственно, «идентичность» нельзя рассматривать как понятие, поддающееся определению, или, точнее сказать, его нельзя охватить отдельным понятием. Сам Эриксон говорит: «Я не могу предложить ничего иного, кроме особого способа смотреть на вещи».

В «Детстве и обществе» изложена разработанная Эриксоном эпигенетическая теория – концепция развития человека, включающая восемь этапов. Эти этапы охватывают весь жизненный цикл и наглядно демонстрируют развитие личности вплоть до пожилого возраста. Эриксон заимствует понятия, которые не раз использовались психоаналитиками при описании критических фаз развития влечений (оральной, анальной, генитальной), и показывает, каким образом в каждой из этих фаз возникают или не возникают определенные, необходимые приобретения Я. Там, где классическая психоаналитическая теория не могла сказать что-либо в систематической форме о постэдиповом развитии, Эриксон сумел систематизировать и показать взаимосвязь между внутренними и внешними задачами, с которыми всем нам приходится сталкиваться после предполагаемого завершения эдиповой фазы.

В начале заключительного раздела своей книги «Детство и общество» Эриксон показывает, насколько важно соотносить результаты индивидуального анализа с социальными структурами, которые позитивным или негативным образом влияют на индивида. Он утверждает, что ранний психоанализ слишком ограничивал поле своего зрения и концентрировался исключительно на честной интроспекции, служащей самопознанию. Все выходящее за рамки этого факторы он склонен считать либо «сопротивлением», либо чем-то не имеющим отношения к психоанализу. Но в дальнейшем он стал уделять больше внимания взаимным механизмам адаптации индивида и общества. Раньше, например, Сверх-Я рассматривалось чаще всего как сдерживающая, подавляющая и

тираническая сила в человеческой личности, и аналитики полагали, что пациент благодаря разъяснению бессознательных воздействий Сверх-Я способен освободиться от его автократического, преследующего влияния. И лишь позднее, благодаря работам таких аналитиков, как Эриксон, Хартманн, Крис, Лёвенштейн, Анна Фрейд, и других общественное влияние и отвод энергии посредством императивов Сверх-Я стали предметом систематического исследования и клинической работы.

В конце книги «Детство и общество» Эриксон приводит свои рассуждения о национальной идентичности, которые воспроизвести здесь в виде резюме крайне сложно. Эриксон отнюдь не считает, что его рассуждения представляют собой «строгие данные» или доказанные факты. Верный себе, он и здесь исследует отдельные феномены с психологической, социальной и исторической точек зрения, чтобы прояснить динамику их взаимного влияния. В результате определенные паттерны поведения предстают гораздо менее произвольными.

Так, например, в США матери оказались под перекрестным огнем уничтожающей критики, поскольку их обвиняли в том, что они оказывали на своих детей, особенно на сыновей, ограничивающее влияние. Этому явлению было даже дано название «момизм», от слова «мом», представляющего собой обращение к матери. Матерей упрекали в том, что они чрезмерно властвуют в семьях, узурпировали функции отцов, слишком негативно настроены к чувственности и такое отношение пытаются передать также своим детям.

При исследовании вопроса, каким образом возникали определенные паттерны поведения у матерей, Эриксон натолкнулся на их опыт фронтовой жизни – под фронтом здесь понимаются соответствующие границы в период колонизации Североамериканского континента. Эта фронтовая жизнь породила дух, приведший к появлению характерных для американской жизни полярностей. Каждый человек должен был разрешить конфликт противоположных ценностей: что ему делать – вести кочевую жизнь или оседлую? Конкурировать с другими людьми или сотрудничать с ними? Быть набожным и законопослушным или бороться за свои права с оружием в руках? В то время расхожий мужской прототип только складывался: мужчина покорял дикую местность, новую страну и подчинял индейцев.

В отношениях между людьми царили насилие и жестокость. И женщины оказались почти перед неразрешимой задачей, поскольку должны были воспитывать сыновей этих мужчин; они должны были донести до них этику – религиозные ценности и привить любовь к домашнему очагу, и вместе с тем они не могли подвергать опасности

тогдашний образ мужчины. Матери стали третейскими судьями, авторитетами в вопросах морали и вкуса, поскольку отцы оставили им это поле. Таким образом, «момизм» в известном смысле является следствием ухода от дел отцов, то есть их отказа от лидерства в вопросах воспитания и культуры.

Эриксон на примере фильма исследует перемены в российском обществе. Речь идет об одном старом советском фильме о юности Максима Горького. Здесь Эриксон исследует качества легенды и вытекающие из них изменения идентичности у большей части русской молодежи. «Я хочу предпринять попытку проанализировать легенду о детстве Максима Горького в ее связи с географическим местоположением и историческим моментом возникновения» [3]. И вновь здесь можно увидеть типичный подход Эриксона. Акцент делается на времени, месте и мире образов. В одной небольшой деревне на берегу великой реки Волги вместе со своей овдовевшей матерью живет мальчик, Алеша Пешков. Он формирует – и самого себя, и новое русское сознание. Его добросердечная, полная жизни и великодушная бабушка принимает его и о нем заботится. Она символизирует желанную и любимую «матушку Русь». Звучит контрапунктная тема: сохраняющая жизнь мать-земля дает защиту и веру, но если человек отдается собственному желанию пассивности, то неожиданно для себя он попадает в нежеланное рабство.

Бабушка, мать всех матерей, носительница традиции, обладает огромной силой. Ее вторая половина, супруг, груб и жесток. Этот немощный человек, внешне незрелый «ребенок», жадно цепляется за свои слабые силы и возможность поработить семью и работников своей небольшой лавки. Он чуть ли не инфантильно зависит от своих денег и маленького Алеши. Он играет свою патриархальную роль и хочет за это получить сочувствие. Но в ответ он видит лишь непреклонное лицо мальчика, который затем возьмет имя «Горький». В кратком историческом экскурсе Эриксон напоминает о том, что цари Иван Грозный и Петр Великий убили своих старших сыновей. Иван сделал это собственными руками, Петр поручил это другим. И, таким образом, царь, как и маленький светловолосый батюшка, являлся символом достойной сострадания автократии. Подобное сочувствие к царям, жестоким отцам или дедам характерно для мазохистского подчинения. То, как глядел Алеша на своего деда, означает не только жест личной непокорности – это был жесткий, пронизывающий взгляд человека, видящего вещи такими, какими они являются.

Если Петра и ему подобных называют «великими», то это не свидетельствует ни о нарциссическом присвоении имени, ни о традиции. Какими бы ужасными ни были их деяния, на арене русского мира цари олицетворяли нечто, что объединяло их с другими русскими патриархами в городе и деревне. «Иван и Петр велики не из-за своих трагических страстей, которые, по-видимому, мешали им в качестве предводителей, а потому, что

смогли в гигантском масштабе показать трагедию раннего патриархального общества и его внутреннего эквивалента – Сверх-Я, а также еще потому, что так они решающим образом способствовали развитию национального сознания и национальной совести» [3, с. 369].

Алеша становится свидетелем удивительной беспомощности двух стариков – слепого старшего работника и престарелого, разорившегося тем временем деда. Они оба нищие. Мальчик не позволяет разжалобить себя их бедственным положением. Пробуждающееся сознание нового русского духа уже не оказывает поддержки достойному сожалеению эксплуататорскому и распадающемуся режиму, который олицетворяют два этих умирающих старца. От «одного чужого» в деревне Алеша узнает о ценности знаний, мыслей и особенно «умения взять» (в том смысле, что нужно уметь пользоваться случаем, если хочешь превратить пассивно переносимую судьбу в активное будущее). Посторонний выступает, словно новое сознание, словно новая мысль. Он не идентифицируется по имени.

В Алешиной деревне существует ватага беспризорных детей – изгоев. Они всегда держатся вместе. Ребята спасают Алешу от жестокого нападения компании других деревенских мальчишек, и духовно он становится членом этой группы, которая живет тем, что удастся раздобыть на помойках и свалках. К ним относится также Ленька – жизнерадостный юноша с парализованными ногами. Ленька держит разную мелкую живность: мышей, птичек и т.д. Но он мечтает о времени, когда покинет напоминающий темницу подвал, где ему приходится жить, и отпустит на волю всех своих животных.

К явному литературно-символическому намеку на порабощение в образе Леньки и его живности Эриксон добавляет еще один параметр из практики детского воспитания в то время и в той стране. Речь идет о пеленании. Обычно младенца пеленали в течение девяти месяцев, то есть, всю ночь и большую часть дня он был полностью обездвижен. Внешнее ограничение возможностей телесного выражения снижает способность ребенка к реагированию. Вазомоторная разрядка, восприятие внутренних телесных процессов, использование голоса и т.д. – таковы единственные возможности, которые остаются у ребенка. Эриксон описывает особенности известных персонажей из русской литературы, у которых полярность между изоляцией и экзальтацией проявляется особенно ярко. Они находятся в тесной темнице удушливых чувств; но они «ищут другие души, ищут, вздыхая, бледнея, краснея, плача и падая в обморок». Следовательно, Ленька, маленький «пленник», представляет собой продукт общества, политической системы и воспитания. Он не способен подняться без посторонней помощи.

В заключительной сцене фильма беспризорные мальчики и Алеша смастерили из старых велосипедов, найденных в куче металлолома, небольшую коляску. Они берут Леньку с собой и тянут коляску к горизонту. Вне себя от радости, Ленька освобождает птиц и зверушек, в то время как Алеша безучастно глядит в направлении горизонта. Фильм заканчивается.

В завершение анализа фильма Эриксон излагает также некоторые идеи, касающиеся легенды и революции. Он рассматривает сходство между революционным духом протестантского движения во многих западных странах и революционным духом коммунизма, который много позднее достиг России. Если предельно упростить, то его тезис относительно обоих движений звучит следующим образом: дисциплина определяет форму жертвы, которая главным образом заключается в систематической дисциплине разума и чувств, но не в драматическом искуплении греха. Трагическим образом, коммунистическая партия, абсорбировав нарождавшийся протестантизм, не могла мириться с его важнейшей составляющей – сектантством.

В конце «Детства и общества» Эриксон рассматривает давно известный факт, которому, однако, в нашем обществе уделялось мало внимания. Этот факт заключается в том, что в каждом из нас в течение всей жизни присутствует чувство неравенства ребенка и взрослого. В худшем и самом частом случае это приводит к тому, что люди с легкостью становятся жертвами эксплуатации. В лучшем случае это способствует развитию технических и культурных навыков в жизни. Историки, социологи и другие специалисты в значительной степени игнорировали воздействия этого факта на здоровье и жизнеспособность общества. Сверх-Я индивида формируется под влиянием интенсивного, всеразрушающего страха, даже паники. Судейская функция этики у взрослого человека пригодна лишь для того, чтобы защищаться от паники, способной сокрушить всё, что с большим трудом было приобретено в борьбе с влечениями. Инфантильные страхи, которые были заглушены властными аспектами функции Сверх-Я, быстро мобилизуются, если человеку кажется, что его собственной моральной защите грозит опасность извне. Вся жестокая и мстительная ярость, которая прежде держалась в узде, может обратиться на врага собственной правдолюбивой совести. В таких ситуациях – согласно У. Б. Йейтсу – у лучших отсутствует какая-либо определенность, тогда как худшие полны эмоционального задора. Подобные вспышки войны, предрассудков и неверных суждений являются у индивида абсолютно инфантильными регрессиями. В обществе они означают нечто гораздо большее. Однако мы должны учитывать инфантильные истоки функций суждения, если хотим развить пригодный и неотъемлемый элемент идентичности – здравомыслие.

Это означает не только развитие умения рассуждать, но и то, что общество, воспитывая детей, должно заботиться об обеспечении функций, формирующих «здравомыслие». Ибо в противном случае Сверх-Я, которое так долго служило главным оплотом морали, поставит под сомнение всякую действительную терпимость.

В своей жизни, в своем опыте, а теперь и в своей книге Эриксон прошел через ряд партнерских отношений. В психоанализе преобладает особого рода разумное партнерство, в родительских отношениях – партнерство другого рода. В интересах общества эта позиция, эти компоненты идентичности, составляющие активный элемент ядра личности, должны утвердиться во всех сферах жизни – от школы до психологической консультации, от науки до политики.

Становившиеся все более широкими интересы Эриксона всегда основывались на клинической работе и практике. Но это не означает, что все свои знания он приобретал исключительно во врачебном кабинете. Это не означает также, что полученный им психоаналитический опыт сразу же распространялся и экстраполировался на новый и более сложный тематический материал, как, например, психология общества, жизнь выдающихся людей или история настоящего и прошлого. Скорее, это означает, что клинические знания способствовали развитию многих других дисциплин, ничего при этом не теряя в своем содержании.

Горизонты психоистории

Эриксону принадлежит также развернутое, обширное исследование деятельности М.Ганди, раскрывается природа психоисторической очевидности. Психоистория исходит из предположения, что существуют бессознательные императивы человеческих действий. Это предполагает наличие более ранних уровней психического, которые уже не осознаются субъектом, но в то же время способны воздействовать на его поведение. Все дело в том, что мы оказываемся свидетелями конфликтов между сознательными установками и бессознательными стремлениями на индивидуальном и на массовом уровнях. Эти конфликты относятся к разряду феноменов, которым традиционная социально-политическая история не могла дать должного объяснения. Вот почему возникло стремление обратиться также к методам психоанализа, культурной антропологии и социальной психологии.

Однако психоистория не пытается заменить собой историю в целом, выявляя лишь психологический смысл событий. Психоисторический метод, получивший теперь широкое распространение, предполагает выявление роли бессознательных факторов в человеческом поведении. Он оказывается

генетическим, поскольку особо подчеркивает роль предшествующего опыта. Такой подход предполагает, что реальности современности непрерывно и весьма динамично взаимодействуют на бессознательном уровне с личным или коллективным прошлым.

По мнению Э. Эриксона, одной из основных координат идентичности является жизненный цикл. Он исходил из предположения, что не только до подросткового возраста индивид развивает предпосылки своего психологического роста, умственного созревания и социальной ответственности. Американский психолог вводит понятие «кризис идентичности». Каждый человек идет своим путем развития, переживает свои кризисы и находит их разрешение.

Любая стадия становится кризисом, поскольку начинающийся рост и осознание нового связаны с переменами в энергии инстинктов. Слово «кризис» Э. Эриксон употребляет так, чтобы выделить не угрозу катастрофы, а момент изменений, критический период повышенной уязвимости [см.: 4, с. 105].

Наиболее радикальные изменения, начиная от глубин внутренней жизни и кончая внешними ее проявлениями, происходят в самом начале жизни. Что можно считать наиболее ранним и наиболее недифференцированным «чувством идентичности»? Эриксон считает, что это чувство порождается встречей матери и младенца, дающей взаимное доверие и взаимное узнавание. Это во всей своей детской простоте и является первым опытом того, что впоследствии вновь проявится в любви, в способности восхищаться и что может быть названо чувством «благословенного присутствия», потребность в котором на протяжении всей жизни остается основой для человека.

Отсутствие этого чувства или его ослабленность могут опасно ограничить способность переживания «идентичности», когда в подростковом возрасте человек может оставить детство и встретить взрослость, и вместе с ней начать лично выбирать свои любовные привязанности. Каждая следующая стадия и каждый следующий кризис имеют определенную связь с одним из базисных стремлений человека по той простой причине, что жизненный цикл человека и социальные институты развиваются одновременно. Между ними, как считает Эриксон, двойная связь: каждое новое поколение привносит в институты пережитки инфантильных потребностей и юношеского пыла и берет от них специфическое подкрепление своей детской витальности.

Американский психолог считал, что кризисы идентичности можно изучать по художественным творениям и оригинальным деяниям великих людей, которые смогли решить его для себя. Вездесущий хаос человеческого

существования демонстрирует уникальные для данного периода решения. Но прежде чем погрузиться в клинические и биологические проблемы того, что в психологии чрезвычайных ситуаций называется спутанностью идентичности, нужно внести ясность в понятие «кризис идентичности».

В человеческой сущности есть многое: кроме идентичности в каждом индивиде есть его «Я», есть центр сознания и воли, который должен трансцендировать и пережить психологическую идентичность.

Эриксон вводит еще одно значимое понятие – «психологический мораторий», под которым подразумевается отсрочка, предоставленная кому-либо, кто не готов принять ответственность или хотел бы дать себе время на подготовку к зрелой жизни. Под психосоциальным мораторием Эриксон понимает запаздывание в принятии на себя взрослых обязанностей. Каждое общество и каждая культура устанавливает определенный мораторий для своих молодых граждан. Для большинства из них эти моратории совпадают с периодом учения и тех достижений данного этапа жизни, которые соответствуют ценностям общества.

Мораторий может стать периодом краж и видений, временем путешествий или работы, временем потерянной «юности» или академической жизни, временем самопожертвования или веселых шуток. Большую часть юношеской преступности Эриксон рассматривает как попытку создания психосоциального моратория. Но мораторий не требует того, чтобы быть пережитым сознательно. С другой стороны, молодой человек может ощущать себя вполне состоявшимся и только со временем узнать, что то, к чему он относился так серьезно, было всего лишь переходным периодом. Многие «выздоровевшие» деликвенты, возможно, чувствуют полное отчуждение от «глупости», через которую они когда-то прошли. Между тем ясно, что любые экспериментирования с идентичностью означают также игру с внутренним огнем эмоций и побуждений и содержат в себе риск попасть в социальную яму, из которой нет выхода. Бывает и так, что мораторий отсутствует: индивид слишком рано определился или его достижениям способствовали какие-то обстоятельства.

Идеи Эриксона получили широкое признание и разработку не только в современной философии, но и психологии.

Список литературы:

1. Ясперс, К. (1997) Общая психопатология. М.
2. Эриксон, Э. (2006) Проблема идентичности. СПб.
3. Эриксон, Э. (1990) Детство и общество. М.
4. Эриксон, Э. (1996) Идентичность: юность и кризис. М.